

АЛМА-АТА

Навевает покой и прохладу
Наступающей ночи дыханье,
Тополиных стволов колоннада
Поднимается в гору. Стихает
Шум листвы. И движенья, и речи
Словно смыслом наполнились новым...

Этот город предгорный отмечен
Тёплым светом приюта ночного.
Прислонившийся к горным подножьям,
Осенённый мерцанием снежным,
Спит как сабля, забытая в ножнах,
Под присмотром луны безмятежной.

НА АПТЕКАРСКОМ ОСТРОВЕ

Двор-колодец и мостик над Карповкой
Часто вижу во сне до сих пор,
Монастырские чёрные маковки –
Иоанновский строгий собор.
А в другой стороне – ботанический –
Самый тихий из здешних садов,
Помнишь, бережно, по-ученически
Разбирали названья цветов

На табличках... Пусть в памяти ветреной
Буквы сжались в неясный пунктир,
Вижу жимолость и рододендроны –
Экзотических зарослей мир,
Что теперь представляется сказкою –
Нежным солнцем рождённый Эдем,
Расцветающий поздними красками
Невесомых, как свет, хризантем.

В каждом предмете живёт неприметная память –
Мир зазеркальный хранит наши хрупкие лица.
Это иллюзия, будто возможно оставить
Прошлое, как надоевшее платье из ситца.
Это лишь кажется, что уходящих мгновений
След исчезает, как пар от дыханья на стёклах,

Каждое слово и каждое черт выраженьё
В памяти чьей-то, как камни цветные, не блекнут.
Нам не стереть ни одной из печальных отметин,
Только укрыть, завернуть словно бабочку в кокон,
Чтобы и лёгкого трепета крыл не заметить,
Спрячу в литой медальон не светлеющий локон.

Т. С.

Вечна жизнь и каждый раз нова,
Как слова, что складываем в строки,
Как вот эта юная трава,
Как над ней сияющий, высокий
Небосвод. Но наши корабли
К невозвратной движутся границе —
За рубеж сферической земли,
В ту страну, где синекрылы птицы,
Где сияет небо как стекло,
Где как чистый лед, застыло время,
То, что здесь струилось и текло,
И царило, гордое, над всеми.

Так мало знаю о себе.
(Вийон, конечно, всё не ново...)
Мысль чуть истёрлась, но не слово —
Оно пичугой на столбе
Поёт о солнце и луне,
О красках летнего заката,
О том, что видела когда-то,
И тех, кто виделся во сне.
Всё близко мысли и перу
От чёрных дыр до Нибиру,
От волчьих глаз до крыльев Пери.
Но память о себе мутна,
А впереди лишь смерть точна —
Так говорят. А я не верю.

Астры догорают во дворах,
Тишина на улочках старинных,
Робкий ветер в зябнущих садах,
Хрупкие целует сентябрины,
Теребит последнюю листву
Над немым пустеющим фонтаном
Со скульптурой вычурной и странной,
Виденной когда-то наяву,

Так давно, что явственных следов
В памяти отыщется не много
Городка того, что одиноко
Спит средь серых бархатных холмов.

ДВА ВСАДНИКА

Спит город, убаюканный спокойным
Прикосновеньем пасмурного дня.
И ты во сне не помнишь про меня,
Не знаешь, что в ночи на подоконник
Лёг первый снег, неслышно поменяв
Пейзаж своим вторженьем незаконным.
Не только птицы — бронзовые кони
И те его почуяли... Храня
Величие, не сменит всадник Грозный
Ни в снег, ни в зной своей державной позы,
Пусть крест и меч нести давно устал.
А чуть подальше скакуна над бездной
Взнуздан и держит хваткою железной
Судьбой неукрощённый генерал.

ИЗ ПРОШЛОГО

*Это были не совсем я и не совсем ты...
(из письма)*

Как сложно всё... когда бываем мы
Равны себе, и кто за именами
Стоит? Смотрю на тех, кто были нами —
Два крошечных значка в краю зимы
Бредут... застыл Литейный под ногами.
Неясный кадр сначала был немым,
Но вот, твой голос... будто свет и дым
Летящих туч сложились в оригами.
Стряхнули снег... на Кирочной кино —
Там Анненкирхе, кажется, давно,
Но как сейчас под сенью голубую
Твое лицо мне видится: черты
Ясны, в глазах ни тени суеты.
Сомнений нет — тогда ты был собою.

